

УДК 330.101

Шедяков В.Е.*доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
независимый исследователь***ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ГРАНИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Место государства в проведении рефлексивной модернизации рассматривается применительно к созданию и защите благотворных условий для развития общественной среды и культивирования кластеров прогресса. Качество государственного курса связывается с характером решений субъектов модернизации и действий по их реализации. Акцентируется развитие государственно-частного партнерства. Делаются выводы по повышению уровня культуры трансформаций.

Ключевые слова: общество, государство, рефлексивная модернизация, государственно-частное партнерство.

Шедяков В.С. СУСПІЛЬСТВО І ДЕРЖАВА: ГРАНІ ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧНОЇ МОДЕРНІЗАЦІЇ

Місце держави в проведенні рефлексивної модернізації розглядається стосовно створення та захисту сприятливих умов для розвитку суспільного середовища і культивування кластерів прогресу. Якість державного курсу зв'язується з характером рішень суб'єктів модернізації та дій щодо їх реалізації. Акцентується розвиток державно-приватного партнерства. Робляться висновки щодо підвищення рівня культури трансформацій.

Ключові слова: суспільство, держава, рефлексивна модернізація, державно-приватне партнерство.

Shedyakov V.E. SOCIETY AND STATE: FACETS OF POLITICAL AND ECONOMIC MODERNIZATION

The state's place in reflexive modernization's conducting is considered in relation to the creation and protection of beneficial conditions for the development of the social environment and the cultivation of clusters of progress. The quality of the state course is associated with the nature of the decisions of the subjects of modernization and actions to realise them. The development of public-private partnership is accentuated. Conclusions are drawn on raising the level of the culture of transformation.

Keywords: society, state, reflexive modernization, public-private partnership.

Постановка проблемы. Проведение модернизации в условиях усиления во всемирном масштабе роли постсовременных, постиндустриальных и постглобальных тенденций предполагает адекватную этим процессам приоритетность в распределении ресурсов при решении как внутренних (прежде всего наиболее полного раскрытия и реализации социально полезных одаренностей каждого), так и внешних (в частности, оптимизации партнерских и конкурентных действий своего культурно-цивилизационного мира) задач. Как известно, «система экономических связей становится регулятором общественного производства в той мере, в какой она выражает господствующие производственные отношения» [1, с. 121; 2–4]. Таким образом, процессы осуществления форсированной модернизации налагают свои особенности на закономерности развития, и наоборот, постсовременность, постиндустриализм и постглобализм наделяют присущими им чертами период ускоренных трансформаций. Принятие и осуществление решений происходит при трансформациях процессов социализации/индивидуализации и повышения значимости бесструктурного управления. Соотношение фундаментальных и актуальных характеристик воплощается в диалектике стратегии, тактики и оперативке перемен. Способы обеспечения жизнедеятельности культурно-цивилизационных миров при этом интегрируют научно-интеллектуальное и художественно-образное восприятие социокультурной постистории (где можно использовать и реактуализировать образы из самых разнообразных эпох) и предьстории (когда ничего не предрешено, могут победить самые противоречивые формы). Одновременно в постглобальном мире логика событий рождается во взаимодействии (партнерстве и конкуренции) разнородных над-, меж- и внутригосударственных образований.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследовательская традиция рассмотрения процессов управления и смежных вопросов (организация, механизмы хозяйствования и регулирования, при-

нятие решений, стимулирование и т.п.) сформирована Е. Беловой, А. Богдановым, М. и Н. Бунге, А. Венделиным, Г. Ганттом, А. Гастевым, Д. Гвишиани, В. Глушковым, В. Голиковым, В. Дорошенко, П. Друкером, Г. Жебитом, П. Керженцевым, Ф. Кожуриным, В. Косолаповым, А. Кредисовым, П. Лебедевым, П. Магдановым, Д. Макгрегором, Ю. Осиповым, Р. Оуэном, И. Поповой, Г. Поповым, А. Пригожиным, С. Радзиевской, А. Расселом, А. Румянцевым, Г. Слезингером, Е. Старосьцяком, Л. Суворовым, Ф.Тейлором, В. Терещенко, Ю. Тихомировым, Ж. Тощенко, А. Тюрго, А. и М. Уилсонами, Б. Украинцевым, А. Файодем, Г. Фордом, Ф. Хайком, Г. Хакеном, Ф. Херцбергом. Различные аспекты оптимизации стратегического управления раскрыты А. Аллегом, Р. Ароном, А. Ахизером, А. Ачлеем, Э. Бжезинским, О. Бисмарком, Т. Богдан, Ф. Броделем, В. Герасимовым, А. Горчаковым, Л. Гумилевым, Н. Данилевским, Д. Джангировым, В. Ефимовым, А. Зиновьевым, М. Интрилигейтором, Д. Калайчем, Г. Киссинджером, Дж. Куртом, К. Леонтьевым, Н. Огарковым, Э. Ожигановым, А. Панариным, С. Петровым, С. Радзиевской, В. Скачко, А. Тойнби, М. Хазиным, О. Шпенглером. Потенциал эффективности жизнедеятельности (при учете номенклатурно-терминологических особенностей ее соотношения с эффективностью производства и взаиморезонирующими аспектами содержания и форм процессов, производительной силы и производительности, эффекта и результата, результативности, интенсивности, экстенсивности и проч. в высококонкурентной среде) охарактеризован Л. Гатовским, Б. Злобиным, Р. Ивановой, В. Камаевым, В. Каманкиным, Л. Крыловым, С. Малининым, А. Милюковым, К. Марксом, В. Медведевым, В. Мишиным, В. Новожиловым, А. Ноткиным, В. Павловым, Ю. Палкиным, Ю. Пахомовым, И. Ройзманом, В. Сенчаловым, М. Солодковым, И. Столяровым, С. Струмилиным, Л. Тыкоцким, Р. Уотерменом, А. Чайновым, В. Черковцом, В. Феодоритовым, Ж. Фреско, Т. Хачатуровым, П. Хромо-

вым. Специфика человеческого капитала (фактора жизнедеятельности и модернизации общества плодотворно изучалась, в частности, А. Аггом, Е. Ануфриевым, Г. Арефьевой, Л. Буевой, А. Бузгалиным, Н. Верхоглядовой, Е. Гришновой, А. Захаровой, А. Колгановым, В. Мальцевым, Т. Панасенковой, Н. Римашевской, И. Соболевым и др. Особенности постмодерной управленческой культуры в контексте «многоярусной» экономики, и особенно отличительных характеристик управления в кризисных условиях и при неизбежности высокого уровня неопределенности, проанализированы Ш. Айзенштадтом, А. Ахизером, З. Бауманом, У. Беком, Л. Беляевой, И. Валлерстайном, Э. Гидденсом, А. Горцем, Дж. Гэлбрейтом, В. Дрожжиновым, Р. Инглегартом, Н. Козловой, Дж. Куртом, Н. Лапиным, Ж.-Ф. Лиотаром, В. Мартьяновым, С. Матвеевой, Р. Парком, Н. Поляковой, Т. Сакайей, Ф. Теннисом, А. Уткиным, В. Федотовой, П. Фейерабендом, Ж. Эллюлем, А. Этциони. Потенциал социальной ориентации государства вывели Дж.К. Гэлбрейт, Ф. Кастро, Дж.М. Кейнс, П. Машеров, Р. Оуэн, М. Рокар, Си Цзиньпин, Л. Эрхард и др. Для децентрализации Украины соответствующий административно-политический аспект раскрыт В. Гриневым, М. Грушевским, В. Дергачевым, О. Деминим, М. Драгомановым, Ю. Иоффе, А. Карповым, В. Корниловым, Н. Костомаровым, Е. Кушнаревым, В. Малинковичем, В. Медведчуком, В. Мещеряковым, П. Скоропадским, Д. Табачником, И. Франко, В. Черноволом.

Переходное состояние общества обостряет вопрос приоритетности реального распределения ресурсов: в угоду некоторым частным эгоистическим интересам или же (в том числе опираясь и на частную инициативу) для решения гораздо более широких общественных вопросов. При этом автоматическое механическое калькирование чужих рецептов уже не срабатывает: иное время, другие условия и ресурсно-методологические базы. В разных обществах отличен баланс примет переходности.

Цель статьи заключается в характеристике мер оптимизации взаимодействия общества и государства в переходный период.

Изложение основного материала исследования. Участие государства в формировании экономики знаний сегодня – необходимость сохранения своей социокультурной идентичности, независимости своего культурно-цивилизационного мира. Соответственно, осуществление проектов «рефлексивной модернизации» требует качественно новых моделей участия в глобальной конкуренции, эффективное владение которыми требует более полного использования творческих возможностей людей и соответствующих трансформаций регулятивной системы. Ведь, несмотря на определенные дополнительные сложности, воплощение конкретных форм оптимальной реализации социально-экономических и политических интересов общества предполагает широкое применение алгоритмов сценарного, проектного и вариативного подходов к перспективам развития. Следовательно, в условиях инверсионного развития (если не гражданское общество создает государство, а государство обеспечивает функционирование гражданского общества) развитая и структурированная общественность предполагает достижение определенного экономического уровня. В свою очередь, принятие успешных в долговременном плане стратегических решений, а также осуществление стратегического давления в направлении их реализации требуют учета ожиданий и восприятия населения (прежде всего на основе

ценностно-смысловых комплексов соответствующего культурно-цивилизационного мира).

Успешность перемен связана с их субъектностью. Для исхода трансформаций в каждом из государств крайне важно, кто станет субъектом управления, в чьих интересах будут проходить изменения. Результат участия в конкуренции часто предопределяются самодисциплиной, готовностью работать на своем месте с предельной самоотдачей, на грани и за гранью возможного, а также командной слаженностью, согласованностью, когерентностью. И в первую очередь это касается представителей «станового хребта» общества – его среднего класса, а также управленческих (в политике – властных и оппозиционных, элитных и контрэлитных) пластов. Однако образ и уровень жизни элиты и народа начинают расходиться в такой мере, что заставляют вспомнить классическое разграничение «двух наций». Между тем призывы лидеров культурно-цивилизационного мира являются действенными исключительно в случае высокого уровня их самодисциплины: требования ко всем должны опираться на требовательность к себе. Более того, чем выше общественное положение человека, тем жестче требования к нему. Так, понятие элиты связано не столько с «находящимися у власти» или «теми, кто борется за власть», сколько с «лучшими представителями народа», напоминая о принципах меритократии. Маргинализация же общества, размытие примет среднего (и «нового среднего») класса и элиты становятся угрожающими развитию тенденциями. Кризис среднего класса также переживается сегодня в мировом масштабе. В нем наряду с «интеллектуальными тружениками» все заметнее влияние «интеллектуальных потребителей». Конечно, и офисные работники, и рантье предпочитают самоназвание креативного класса, однако часто тяготеют к выбору консьюмтариата, потребителей благ (впрочем, не только материальных, но и духовных). Напротив, научно-интеллектуальный потенциал общества формируется, развивается и реализуется вокруг стержня ценностно-смысловых комплексов творчества. Преобладание же ложных социальных образований, переход субъектности к ним может изменить вектор движения, нарушив управляемость и повысив разрушительный потенциал прекариата.

Немаловажным оказывается умение государства удерживать баланс решений между интересами «сильных» и «слабых» регионов, лидеров и аутсайдеров, а также готовность предотвращать произвол и ошибки собственных представителей в выработке курса и обеспечении проведения молодежной политики. Наконец, важнейшим фактором воспитания молодежи становится наличие личного примера, использование в качестве регулятивной модели варианта не «делай так», а «делай так, как я». Собственно, приоритетной задачей элиты и становится культивирование форм жизнеустройства, дающих возможность в новых условиях стабильному развитию социально значимых инноваций и базирующихся на основных традиционных ценностно-смысловых комплексах. При этом усиливаются две максимы общественного развития и основания для показателей прогресса. Во-первых, жизнь человека, ее качество и продолжительность (это направление фиксируется, прежде всего, корзиной социально-экономических, политических и др. прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации и т.п.). Во-вторых, достижения цивилизации, культурное наследие. Для более полного раскрытия их творческого потенциала необходимо двигаться не только

от социально иерархической организации общественных отношений к экономической, но и с ее помощью – к социокультурной. Одновременно следует совершенствовать не только материально-техническую базу, но и характер общественных отношений, культуру и этику взаимодействия. Происходящие геостратегические трансформации фокусируются в изменении черт политического лидерства стран и личностей. Во-первых, усиливается социальное разделение надличностными силами финансово-спекулятивного и коррупционно-бюрократического слоев. Во-вторых, отторгаются надгосударственные вмешательства в пользу укрепления своей мощи, повышается популярность традиционализма. В-третьих, усиливается значение соотношения богатых и бедных. Становятся очевидными нехватка места в «социальных лифтах» и несправедливость «квазикастовых резерваций» и псевдодемократических ритуалов при ослаблении системности кадровой работы. В-четвертых, возрастает необходимость развития эффективного народного контроля над властью и управлением. В-пятых, на личностном уровне в политике опять уходят представители типа «лисицы» и востребованы «львы». В-шестых, реактуализируются задачи упрочения «социального клея» общества при диффузии среднего класса и усилении общественного звучания феноменами «прекариата», «когнитариата» и т.п. В-седьмых, возрастает потребность в народной (а не кочующей по странам и тяготеющей к наднациональности) элите, культивируемой с учетом тенденций меритократии, а также в сдвиге экспертного сообщества от комментаторов-апологетов власти к честным профессионалам с соответствующими подвижками в СМИ. Тем самым создаются предпосылки и формируется необходимость в изменении качества субъектности исторических процессов.

При этом формирование общественной среды производства происходит под сильнейшим воздействием государства, а ее качество, состояние и динамика становятся решающими факторами рефлексивной модернизации [5–10]. Культивирование социокультурной ткани общества – социальности, выросшей из базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира, – становится важнейшим направлением гармонии обеспечения эндогенных вариантов общественной безопасности и социально-экономического развития. Достижение общественного согласия и развития на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира при балансе интересов позволяет обеспечить состояния соборности. Целостность состояния прогресса, базирующаяся на переплетении своих общественно значимых традиций и инноваций культурно-цивилизационного мира, позволяет ему компенсировать, локализовать и/или заменять инвалидные связи. Таким образом, гармония общественно значимых традиций и инноваций проявляется в исторически эффективном саморегулировании и саморазвитии. Усиление черт гиперконкуренции между культурно-цивилизационными мирами предполагает необходимость самому «вытаскивать себя», реализовать эндогенные модели социально-экономического развития. Пересечение условий постиндустриализма, постглобализма и в целом постсовременности требует решительного отказа от всяческого «секонд-хэнда» в вещах и идеях в пользу обеспечения своей самостоятельности, самоценности и достоинства [11–17]. Да, необходима модернизация, но отнюдь не в виде вестернизации: Запад сам погряз в противоречиях и проблемах. Советский опыт общественных

трансформаций предоставил разные модели обеспечения броска вперед (достижение модернизации экономики и страны, грамотности и медицинского обслуживания населения, защиты от внешней угрозы) с культивированием напряженного труда в команде/коллективе, стремлением к высшим мировым достижениям и широким вовлечением в управление/самоуправление граждан (поощрение добровольчества активистов, народного творчества и контроля). Очевидно, отказ от полученного опыта сопряжен с утратой достигнутого, падением в контрмодерн с фактическим откатом в архаику и утратой возможности самостоятельного принятия решений. При этом кардинальное ослабление регулятивных позиций государства в общественной жизни в духе рыночного романтизма способно существенно ослабить конкурентные позиции народа. К тому же, как убедительно доказала практика, далеко не всегда разгосударствление (в т. ч. и с приходом иностранного владельца) ведет к повышению общественной эффективности использования промышленных мощностей. Зачастую приватизация когда-то мощных и жизнеспособных производств приводила то к хищническому сверхнаживанию фондов, то к ликвидации конкурентов и перепрофилированию без содержательной инновации. При этом, с одной стороны, именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи и формируют цивилизацию, а с другой – в процессе социогенеза под воздействием регулятивного и унормирующего значения основного общественного Сверхпроекта происходит не только трансформация роли элементов и целостности ценностно-смысловых комплексов, но и их обогащение. Так, безотлагательное требование развертывания начал свободы и плюральности, свойственное постсовременности, входит в число приобретений человечества в его развитии. Обеспечение растущего поля доминирования гуманизма, терпимости, политкорректности, права человека на собственное мнение, свободу слова и т. п. выступает ныне насущной задачей стабильного развития. Вместе с тем из каждого вида модели (традиционной, современной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир, подтверждая свою геополитическую субъектность, получает собственную конкретику соответственно как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и динамике трансформации.

Таким образом, осуществление проектов «рефлексивной модернизации» требует качественно новых моделей участия в глобальной конкуренции, эффективное владение которыми требует более полного использования творческих возможностей людей и соответствующих трансформаций регулятивной системы.

В частности, публично-приватное сотрудничество, осуществляемое, прежде всего, путем государственно-частного партнерства, сегодня является необходимым компонентом для развития и продуктивного использования социокультурной среды, которая не должна превращаться в стимул войны всех против всех, а государственное регулирование и практика хозяйствования – в войну государства с бизнесом. Ответственность всех национальных акторов перед обществом в первую очередь касается баланса обязанностей и прав, с одной стороны, государства, с другой – частных предпринимателей, опирается как на публичное и приватное право, так и на устои и традиции конкретного культурно-цивилизационного мира, скрепленные присущими ему стержневыми ценностно-смысловыми комплексами.

Организация публично-privатного партнерства на основе учета соответствующих интересов обеспечивает долгосрочное формирование социокультурной среды развития и открывает возможности совместного заинтересованного участия в создании и реализации общественно значимых проектов и сочетания для этого материальных и нематериальных ресурсных баз и разделения рисков между обществом (государственным сектором и неправительственными организациями) и частным сектором. Государственные, частные и неправительственные (неприбыльные) структуры могут использовать и развивать свои сильные стороны и возможности каждой из сторон, снижая себестоимость высококачественных социальных услуг. При этом, с одной стороны, система государственно-частного партнерства тесно связана с государственным регулированием экономики, а с другой – вовсе не тождественна становлению «смешанной экономики» (далеко не любое взаимодействие бизнеса и государства в смешанной экономике может характеризоваться как элемент системы государственно-частного партнерства). Это взаимовлияние наиболее заметно как по линии организаций и институтов гражданского общества, имеющих заметное политическое измерение, (предпринимательских объединений, профсоюзов), так и в направлениях диффузии самой корпоративной культуры. Вместе с тем от комплекса образования стимулов поведения следует отличать систему реализации стимулов (собственное стимулирование), которая охватывает подсистемы распределительную и воспроизводительную, а также стимулирование более полного развития способностей каждого и повышение заинтересованности в Сверхпроекте [18–20].

Особое же значение реализации принципа публично-privатного сотрудничества (прежде всего в инструментах государственно-частного партнерства) определяется уже не только задачами объединения сил и разнесения рисков, но и необходимостью возрождения отечественной конкурентоспособности, тесно связанной и с особенностями ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира, и с демократическими институтами легитимности, предполагающими выборность и подотчетность лиц, принимающих решения, которые оказывают непосредственное влияние на состояние общественной безопасности и реализацию общих интересов. Соответственно, разноуровневые механизмы реализации публично-privатного сотрудничества в государственно-частном партнерстве призваны разрешить актуальные проблемы фундаментального противоречия. С одной стороны, под влиянием новых социально-экономических тенденций (прежде всего соответствующих требованиям экономики знаний) активно усиливаются взаимозависимость производственных звеньев, дисциплина взаимодействия контрагентов, кооперация и сотрудничество субъектов. Кардинальные перемены глобального масштаба охватывают важнейшие опорные для мироустройства направления жизнедеятельности. Процессы социализации производства, распределения, обмена и потребления постсовременного уровня, с одной стороны, для поддержания своей конкурентоспособности предполагают широкое задействование инструментария маркетинга, что означает производство отнюдь не на неизвестный рынок, где только и устанавливается общественная цена предмета или услуги, выявляется объем потребности в них. С другой стороны, продолжается сегментация рынка и усиливается производство под потребительские склонности конкретных

групп. То есть социализация проявляется не только в стандартизации, но и в индивидуализации воспроизводственных процессов.

Это усиливает объективные основания потребности в социальном государстве для обеспечения качества и длительности жизни каждого, возможностей для творчества своих граждан. Баланс «открытости» и «закрытости», возможностей пострывочного механизма саморегулирования/самоорганизации и государственного воздействия предусматривает формы сочетания энергии частной инициативы и предпринимательства с гибким государственным регулированием. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, а новые горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует общественно полезной реализации творческого потенциала каждого. Соответственно, страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоев населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Гуманность, человечность закономерно приоритетнее любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор, пока не покушаются на выбор других. Дифференциация и усложнение структуры постглобального мира позволяют создавать крайне разнообразие модели достижения и поддержания конкурентоспособности, достижения культурно-цивилизационным миром успеха в обеспечении и качества/осмысленности, и условий человеческой жизни, и созидании своего материального и духовного социокультурного наследия. Каждый волен отбирать в окружающем – актуальном и отзвуках ушедших и приходящих эпох – то, что внутренне близко ему; нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять ничьи принципы и подходы, кроме собственных. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимумы, как солидарность, взаимоуважение, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Усиливаются процессы соизмерения друг другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности, мыслетформам) и образам приходят превращенные (преобразованные), вобравшие в себя элементы чужой истории и гибко отражающие черты новых своих носителей.

При этом государство должно не принуждать население, а обеспечивать наилучшие условия общественно приемлемого развития и реализации задатков за счет формообразования и защиты традиций и устоев на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Уровень реализации прав человека, качество его жизни, возможности творческой самодеятельности и самовыражения – принципиальные завоевания общественного развития, неотъемлемые черты прогресса. Вместе с тем представления об обществе и государстве общего процветания (благополучия) сегодня связываются с ценностно-смысловыми комплексами не праздно-

сти и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует на активную поддержку не разнообразных социальных изживенцев и их obsługi, а творчества с приоритетом прав и свобод человека; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Напротив, обрасывая с себя ответственность за людей – снижая социальные выплаты в пользу усиления силового блока, взвинчивая тарифы и налоги, создавая предпосылки заваливания курса национальной валюты, усложнения жизни производителям, субъектам научно-технического творчества и участникам экспортно-импортных операций, ухудшения пенсионного и медицинского, обеспечения и т. п., – государство не только подрывает количественные и качественные показатели жизни, вымывая из страны одаренное и активное население, но и самоликвидируется (самое малое – приобретает черты полицейско-бюрократического, совершенно не адекватной эпохе). Соответственно, отказ от идеологии социального государства мог бы привести не только к утрате трудового (в частности, научно-интеллектуального) потенциала, ослаблению заинтересованности работников, но и к подрыву социокультурной базы общественного согласия и социально-экономического развития.

Постсовременность, постиндустриализм и постглобализм усиливают дрейф общественных отношений в направлении повышения роли знания и интеллектоемким ресурсно-методологическим базам. С одной стороны, плавное движение вперед часто обеспечивается вызреванием будущего еще в формах прошлого, с другой, – результативному социальному творчеству зачастую активно мешают фрагменты сохранившегося прошлого (например, взаимовраждебность рабовладения и империализма в США, что проявляется вплоть до избирательной системы или же средневековой и колониализма, пронизывающих устаревшее устройство Англии). Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках предопределенной рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животной-вещной репродукции. Отвлечение человека от раскрытия его творческого потенциала на секс, спорт и автомобили – наркотики вещица. Потребительский фетишизм активно поддерживается сторонниками сохранения мирового порядка, как когда-то опиуму настоячиво насаждался в Китае. Одновременно духовное творчество как неотъемлемая определенность духовного производства оказывается крайне чутким к отчуждающим человеческую личность факторам. Вместе с тем растет заинтересованность в паразитировании именно на духовной (в частности, интеллектуальной) одаренности, сдвигая акценты в процессах отчуждения [21–27].

Вооруженность интеллектом и техникой тем более требует прочного социокультурного основания. И если ранее зачастую на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то теперь этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают и оберегают общество и его экономику. Соответственно, вопрос распространения социально ответственного поведения приобре-

тает кардинальное значение. При этом аккультурация/социализация формирует две альтернативные стратегии борьбы – либо за свою цивилизацию, либо за себя (с присоединением к ценностям и смыслам наиболее успешной в данный период истории). Интеллектуальное и нравственное измерения общественной жизни и хозяйственно-производственной деятельности формируют как качество фундаментально-методологического фундамента практико-теоретического освоения действительности, так и напряженность творческого поиска. Соответственно, разрыв в уровнях их развития таит опасности для цивилизации и отдельного человека. Под влиянием уровня разделения труда включенность духовного творчества (прежде всего, научно-интеллектуального и художественно-образного) в процесс общественного воспроизводства приобретает черты доминирования анализа/синтеза, соотношения универсальности/функциональности. Состояние и динамика социокультурных полей продуцируют формы переплетений теоретического и повседневного уровней индивидуального и общественного сознания, взаимосвязей общественных психологии и идеологии.

В этой ситуации критично важным может быть поддержание баланса между использованием научно-методологических инноваций, выводящих за пределы стандартных воззрений, а с другой – сохранением достоверности рекомендаций практике. Соответственно, изменение общественных идеалов с позиций ценностного измерения бытия, культивирование многообразия мировоззрения, открытости сознания сработали как определенная интеллектуальная предпосылка нового вхождения в общественную жизнь разнообразных иррациональных факторов. Реализация требований интеллектуализации и гуманизации предполагает масштабное изменение направленности инвестиций с формированием адекватного Сверхпроекта развития культурно-цивилизационной мира. Требуется культивирование как общественной среды, стимулирующей и поддерживающей творчество (прежде всего, научно-интеллектуальное), так и ключевых звеньев развития, оформляющихся в научно-образовательно-производственные кластеры. Для этого необходимы и создание комплекса условий творчества, и выявление и реализации общественно полезных задатков каждого (в том числе восстановление и реализация конституционных норм по бесплатному обеспечению государством права на здравоохранение, образование, жилье, качеству жизни и проч.). Необходима активизация разъяснительной работы по привлечению к созидательной деятельности. При этом приоритетно акцентирование молодежной политики и информационной политики: предоставление наиболее рейтингового времени не под пропаганду конкурсов песен и плясок, рассмотрение/смакование разнообразной «чернухи» и тотальное осмеяние, а под передачи, посвященные созиданию и открытиям.

Соответственно, возможности рациональности – структуры со своими особенностями и законами, диктующими некоторые элементы метода познания и использования превращенных форм – сейчас для использования в социальных технологиях трансформации вдвойне ограничены: и как таковой, и в условиях ризомичности развития. Отсюда – принципиальная локализация рационально организованного мышления и конструирование действительности, его явное самоограничение, поэтому сегодняшняя практика пытается интегрировать методы рациональные и иррациональные. Однако именно условия, которые в настоящее время создались, подталкивают к

широкому жонглированию общественным мнением и созданию популярных политических спекуляций. Так, важно различать используемые по принципу «черного ящика» (неотчетливые, но действенные) пути решения проблем и зыбкую смесь достоверного с иллюзорным: если на первое можно опираться, то второе заведомо является ненадежным. При этом никакая (властвующая или оппонировавшая и идущая к власти) элита сегодня не в состоянии выступать обособленной группой демиургов-правителей, обособленно принимающих общественно важные решения. Напротив, требуется максимальное задействование потенциала всего народа и характера рефлексивного (в частности, бесструктурного) управления.

Выводы из проведенного исследования. Государство становится эффективным не при выдвигании какой-либо доктрины (в т. ч. и таких привлекательных, как «социальное», «социально ориентированное», «всеобщего благоденствия», «всеобщего благосостояния», «сопрощения» и т. п.), а при реальном выполнении им функции создания условий наиболее полного развития и реализации комплекса одаренности каждого члена общества на благо всех.

Природа управления при рефлексивной модернизации экономики и общества требует внимания и учета качеств не только объективной, но и субъективной составляющей исторического процесса, в частности деятельных участников достижения целей и колеблющихся, актива и пассива происходящего, союзников и противников, их структурной и функциональной определенности. При этом многое зависит как от соотношения приоритетов, так и от системы стимулирования их достижения. Тем самым оптимальное развитие социально-экономических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые можно изменить положение всей цепи общественного организма. Таким образом, именно обеспечение адекватной Вызовам истории меры стратегического контроля (а вовсе не обладание мощным потенциалом как таковым) является решающим фактором истории, тем более проведения рефлексивной модернизации в условиях усиления черт постиндустриализма, постглобальности и в целом постсовременности. Культивирование социокультурной ткани общества – социальности, выросшей из базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира – становится важнейшим направлением обеспечения общественной безопасности.

Успешность для культурно-цивилизационного мира проведения модернизации во многом зависит от качества и приоритетов управления: принимаемых решений и их воплощения. Рефлексивный характер постсовременной модернизации ориентирует на повышение культуры проведения трансформаций путем гибкого использования управленческих композиций по стимулированию желательных изменений, в т. ч. посредством как развития социокультурной ткани политико-экономических изменений (в частности, для задействования потенциала бесструктурного управления), так и формирования кластеров перспективных подвижек. В глобализованном мире свои ловушки ожидают всемирные центры и мировую периферию, интересных для «центров силы» и никому не нужных, удобных и неудобных. Но постсовременность дарит шанс на успех каждому из культурно-цивилизационных миров, надо лишь обеспечить интеграцию интересов, культуру проведения модернизации, увидеть возможности, быть к

ним готовым, выращивать свои ресурсные базы и социальные формы, позволяющие воспринимать и производить стратегический анализ, прогнозирование и конструирование постглобальных проектов.

Инверсионные же явления неклассических трансформаций требуют более полно использовать в процессе социального регулирования вызревшие естественным путем социально-экономические формы, когда стратегия «прогрессоров» «облагодетельствовать насильно» лишь обостряет противоречия, приводит к перерасходу ресурсных баз и вызывает отторжение. Именно поэтому традиционные ценностные ориентации зачастую обновляются под знаком усиления мотивов социальной ответственности, умеренности, самоограничения, закрепление состояния социальной иерархии. Вследствие такой направленности реактуализируется интерес к базовой культуре, к ценностно-смысловым комплексам. Приоритетным становится ригоризм в требованиях к качеству и социальной ответственности элиты, осуществлению социетального управления, реализации функций власти. Резкое повышение планки нравственной требовательности и социальной ответственности во всех сферах общественной жизни – это, во-первых, необходимость перехода к обществу знаний и экономике сложной и уникального труда, во-вторых, предпосылки осуществления принципов функционирования социального государства.

Эффективные формы объединения усилий и минимизации рисков разносекторной экономики рождаются публично-приватным и социальным партнерством. Постсовременные подходы к социальному управлению при этом вообще не перечисляются, а актуализируют потенциал модерна по развитию и активизации человеческого фактора. Однако они открывают и новые возможности, связанные с более активным использованием традиций и обычаев, неформальных коммуникаций и социальных сетей, синтезом управляемости, самоуправляемости и неуправляемости.

Повышение эффективности последующих научных разведок в этом направлении предполагает, по нашему мнению, тщательное исследование многоуровневого потенциала рефлексивного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Песенко В.Н. Системно-исторический подход в анализе социальных связей и отношений / В.Н. Песенко // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» К. Маркса / под ред. Е.Я. Режабека [и др.]. – Рн/Д : Ростовский ун-т, 1977. – С. 116–127.
2. Агг А. Мир человека как субъекта производства / А. Агг. – М. : Прогресс, 1984. – 199 с.
3. Ярошевский Т.М. Размышления о человеке / Т.М. Ярошевский. – М. : Политиздат, 1984. – 198 с.
4. Шедяков В.Е. Человеческий фактор: раскрытие и развитие творческой активности в формах отчуждения / В.Е. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – Вип. 120. – С. 96–113.
5. Эрхард Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. – М. : Начала-Пресс, 1991. – 354 с.
6. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество / М. Корнфорт. – М. : Прогресс, 1972. – 530 с.
7. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Дж.К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1976. – 406 с.
8. Лефевр В.А. Этические системы / В.А. Лефевр // Алгебра совести. – М. : Когито-Центр, 2003. – С. 31–174.
9. Надель С.Н. Рыночная экономика и экономическая демократия / С.Н. Надель // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 1. – С. 45–53.
10. Шедяков В.Е. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50–73.

11. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – С. 261–291.
12. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М. : РАН, 1997. – 255 с.
13. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nemaloknig.info/book-110941>.
14. Куркина Е.С. Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации / Е.С. Куркина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm>.
15. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин. – М. : Европа, 2007. – 162 С.
16. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
17. Шедяков В.Є. Конкуренція смислів і протистояння стратегій соціально-інформаційних систем / В.Є. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 2(17). – С. 109–114.
18. Єщенко П.С. Нова модель держави / П.С. Єщенко, Б.Є. Кваснюк, О.А. Бирюков. – Слов'янськ : Печатный двор, 2002. – 143 с.
19. Шедяков В.Є. Держава: майбутнє економічного ідеалу / В.Є. Шедяков [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/3627-derzhava-maybutnye-ekonomchno-dealu.html>.
20. Шедяков В.Є. Воплощение идей социального государства: утопия или необходимость, позади или впереди? / В.Є. Шедяков // Первый независимый научный вестник. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 44–48.
21. Громько А.А. Коррупция в верхних эшелонах власти Великобритании / А.А. Громько // Обозреватель – Observer. – 2010. – № 10. – С. 117–128.
22. Whyte D. How Corrupt is Britain? / D. Whyte. – L. : Pluto Press, 2015. – 200 p.
23. Шедяков В.Є. Можливості рефлексивної модернізації: роль соціальної організації людського капіталу в запобіганні ризиків розвитку / В.Є. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 60. – С. 260–271.
24. Шедяков В.Є. Організаційно-управлінські відносини як стратегічний ресурс розвитку / В.Є. Шедяков // Формування ринкових відносин в Україні. – 2016. – № 3(178). – С. 23–30.
25. Шедяков В.Є. Самоуправление и народовластие: хозяйственные механизмы возрождения / В.Є. Шедяков // Экономика, общество, рынок: научные записки / под ред. А.Д. Сердюка [и др.]. – Харьков : ХИУ, 1998. – Вып. 4. – С.123–155.
26. Новый формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава / І.К. Бондар [та ін.]. – К. : Корпорація, 2005. – 383 с.
27. Шедяков В.Є. Стратегічне управління модернізацією країни: межі, можливості, оптимізація впливів / В.Є. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2011. – № 2(47). – С. 44–53.